

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Старуха — насильница

Эта легенда-тылгунд была рассказана однажды вечером в далекой заснеженной юрте на севере Сахалина.

Тайга обширна и многолика, населена множеством живых существ. И живет она своей, отличной от человека жизнью, по своим законам. Человек знающий войдет, и та одарит его своими богатствами, а незнающий, но самовлюбленно верящий в свои силы, погибнет.

Не зря, ох не зря рассказывают старики, как нужно встречать тех, кто подошел к костру. Не заговаривай первым — кинз (черт) человеческого языка не понимает, пока не услышит ее. Предложи еды гостю, не дожидаясь, пока он ее попросит и выдай плошку из своих рук — родной котел чужих рук не любит. И гость и хозяин о своих делах должны говорить как бы невзначай, не хвастая о добыче и удаче.

Случилось так, что пошли трое молодых охотников соболевать. Выбрались к своему охотничьему угодию, обосновались. Старший бросил горящую бересту внутрь жилища, изгоняя злых духов, внес уголья из родного дома... Оставив младшего, Эськена, заготавливать дрова, да варить еду, старшие, Езак и Ымайе, отправились ставить силки, пообещав вернуться к вечеру.

Солнце уже давно собиралось уступить место Луне, когда за порогом послышался осторожный шорох.

— Заходите-заходите, а то ужин стынет давно, — угрюмо отозвался Эськен. Надо сказать, он был весьма расдосадован на товарищей за то, что не дали ему первый день в охоте провести, по рыхлому снегу тропки поискать. К изумлению парня к очагу вышла старушка, маленькая и сухая, одетая в поношенный хухт (женский зимний халат) с черной каймой — седая и совсем беззубая.

— Ты откуда, бабушка, взялась?

— Сынок, ты бы дров побольше подложил, обогрел меня старую, накормил, а после бы спрашивал, черные глаза-бусинки хитро сверкнули.

— Угощайся, — пожал плечами охотник и хотел было положить ей еды, но та опередила его. Не обращая внимания на костер, внезапно затрепавший и фейерверком искр осыпавший ее обувь, она вычерпала чуть ли не с полкотелка. Эськен и глазом моргнуть не успел, как гостья съела все, удивился только еще больше.

— Интересно, — разомлела старуха — Сильный ли ты человек?

— Слабым не называли... — буркнул тот, про себя думая, хватит ли еды им троим, — за соболями слабые не ходят.

— Ой-ли? Да ты и меня, небось, не поборишь и соболя не задушишь. — Казалось, старуха издевалась над ним.

— Не обижай меня, старуха, настроение у меня черное — и побить могу!

— А давай поборемся...

— Не о таких ли говорят: «Ты почему ничего не знаешь?» (Идиоматическое выражение — безумная, глупая — прим. ав) — Эськен начал злиться. — Где ж это видано, чтоб старуха с парнем боролась?

— Э-э, да у тебя сердца нет, одни легкие висят. (Тоже идиома — у храброго есть сердце, у труса нет)

— Пойдем — зло произнес охотник, всерьез решив проучить старуху и выгнать ее вон. С первого удара старуха опрокинула парня в сугроб. Эськен поднялся, снова сцепился с соперницей, но та приподняла его и отбросила к деревьям. Старуха оказалась чрезвычайно сильной и выносливой — как парень не сопротивлялся, она легкими с виду толчками сбивала его с ног, пока он не обессилил. Глумливо хихикая, старуха привязала Эськена меж двух деревьев таким образом, чтобы он остался лежать и был недвижим.

— Как ты думаешь, — задумчиво проговорила она, доставая небольшой нож и проверяя пальцем заточку, — если тебя убить, повесить язык твой с одной стороны, а сердце с другой и пройти между ними — стану ли я сильнее?

Охотник молчал.

— Я тоже думаю, что нет. — Старуха села на парня верхом. Эськен охнул, а потом заморгал, отгоняя наваждение. На нем сидела молодая невероятной красоты девушка, которая слегка откинувшись, раскуривала трубку.

— Ну, что мужчина... победитель жалких и немощных старух... нравлюсь ли я тебе?

Охотник лишь тупо смотрел на нее, не в силах ни вымолвить что — нибудь, ни отвести взгляда от очаровательной улыбки красавицы. Он вдруг почувствовал, как его мужское естество против воли стало пульсирующе увеличиваться, грозя заполнить чувства желанием.

— Охо-хо, — покачала головой девушка, ощутив ягодицами, как под одеждой парня поднимается бугор. Она громко рассмеялась чистым переливчатым смехом, сползла вниз к ступням и нежно проведя пальчиками в районе паха, резко стянула с Эськена штаны.

Было очень холодно и поэтому от теплого столбика, который девушка зажала в руке, шел пар. Эськен силился сказать ей хоть что-нибудь, пошевелиться, но не смог сделать ни того ни другого, с внешним обреченным спокойствием ожидая, снизойдет ли жестокое благодушие мучительницы до самого главного, а внутренне сильно, до дрожи в мышцах напрягшись.

Она приподняла халат, сняла короткие штаны — натазники...

Чувствуя, как его перенапряженный орган медленно погружается во влажное отверстие девушки, охотник не выдержал перенапряжения и задергался в оргазме

— Охо-хо — повторила девушка, все также хищно улыбаясь, — ты всегда такой быстрый? Или может попробовать еще раз?

Эськен судоржно сглотнул и едва заметно, насколько это было возможно, кивнул. Его член находился в таком же твердом состоянии, как и до этого. Девушка приподнялась, посмотрела вниз и снова медленно опустилась, томно вздохнув. Правда глаза ее при этом серебристо блеснули. Зло, холодно.

Эськен почувствовал, как стыдливая краска заливает лицо. С ним случилось то, что можно назвать самым худшим в подобной ситуации. Ему стало противно от самого себя.

— В борьбе ты слаб. — жестко констатировала девушка — Думаешь, таких девушки любят, а? И ведь надо же, ты и в этом слаб оказался! Маха (негодяй, мерзавец)! — у парня от страха расширились глаза, вырвался стон. На нем сидела, молотя маленькими кулачками по груди старуха, плюясь от негодования и дыша в лицо гнилостным старческим запахом. — Чего удумал — старую совратить! Развлекься! Да еще позволил женщине на охотнике, как на олене ездить!

Сплюнув ему в лицо продолжила, не обращая внимания на побелевшие от тихого гнева губы охотника, — не будет тебе из-за этого счастья ни на охоте, ни с женщинами!

Старуха разошлась не на шутку. Не переставая орать на него, она встала над лицом бедняги и

полуприсела, обдав его вонючими газами и полужидкими испражнениями. В тот момент Эськен хотел умереть...

... Старшие товарищи долго смеялись над ним, но все же отмыли и накормили. Рассказывая о случившемся, парень поклялся себе этой же ночью взять веревку и повеситься, уйти с обидой в сердце, но, дожидаясь, когда уснут Ынайе и Езак, не заметил, как уснул сам.

На следующий день в хижине остался Езак.

Эськен за весь день поставил около полусотни петель, — это обычная норма при охоте на соболя — и изрядно устал. Вернувшись, когда уже стемнело, он увидел Езака, мрачного, утирающего лицо снегом. Хотел было съязвить по этому поводу, но заметив серьезное лицо Ынайе, несущего воду, сказал негромко: «Вот и ты попался».

Езак что-то недовольно пробурчал в ответ, встал чуть покачиваясь, завязал ремешок на штанах и, нагнувшись, подставил ладони под воду, подаваемую старшим.

— Завтра я здесь останусь, — негромко сказал Ынайе, когда все ложились спать.

... — Эй, охотник, смотри у меня мясо есть, свари что ли мне, старой. Сам поешь, меня накормишь-отогреешь, — маленькая старушка придвинулась к костру, вытягивая свои сморщенные ручонки.

— Тебя греть, кормить — себе только хуже делать, — брезгливо улыбнулся Ынайе.

Он схватил гостью и повалил на живот, связывая ей руки. Старуха отчаянно сопротивлялась, но что она могла сделать против сильного, выдавшего много зим, охотника?

Ынайе развернул противницу лицом к себе и поразился: на него смотрело чистое девичье лицо, в глазах которой стояли слезы. И вновь, как это случилось с его предшественниками, охотника охватило желание. Не смотря на протестующие жесты и всхлипывания девушки, он разорвал петельки-застежки на халате и мощными, крупными толчками вошел в нее, и имел до тех пор, пока не выбился из сил. А после закурил, погруженный в свои мысли. Старушка тихо ныла и пускала слюни, лежа у порога.

Подошедшие Езак и Эськен долго пинали ее ногами, вымещая всю злость и обиду, а потом младший не поленился взять палку и ударами прогнать старуху-кинза.

История могла бы быть на этом законченной, если б не имела краткого продолжения. Старший Ынайе с той поры слыл удачливым охотником, а когда захотел взять жену, не встретил сопротивления от родителей невесты. Он ввел ее в свой дом, произвел «мулк мултера» (здесь: лишил девственности), женой сделал. Хорошо зажил, счастливо.

Остальные двое обеднели — на охоте к ним не шел зверь, а девушки при встрече отворачивались, как будто то, что с ними старуха сделала, так на лице и осталось, не отмылось.

Так рассказывают, а слушателям самим решать, верить или не верить.